

Скрытая камера Галины Волчек

— Мне очень многое интересно. Когда кто-то брезгливо спрашивает — а зачем вы, Галина, ходили на такой-то концерт, — мне это удивительно. Конечно, иногда на концерт меня могут привести и личные моменты. Но не только они. Мне интересно взаимодействие сегодняшнего зала с тем, что происходит на сцене. Вот передо мной лежит билет на фотовыставку, посвященную Марлен Дитрих, — я ее пропустила и жалею. Мне Дитрих интересна не только потому, что она какая-то особенно загадочная звезда, а потому, что ее время было особенным, и я им, кстати, занималась девять месяцев, когда ставила «Трех товарищей». Еще мне безумно интересна ночная жизнь в Москве. Я хочу увидеть, что такое молодой парень-наркоман, который уходит в туалет уколаться. Посмотреть в его глаза до этого, понаблюдать, каким он вернется.

Мне рассказывали, что в какой-то ночной клуб до определенного времени могут войти только женщины. Они там бесplatно выпивают, их приводят в экстаз мужским стриптизом, а потом запускают мужчин. Это любопытно со стороны человеческой психологии. Чем вызваны одни инстинкты и чем убиты другие. Но я не могу, к сожалению, позволить себе пойти туда и понаблюдать за этим моей скрытой камерой — глазами. А так хочется все увидеть, понять, оценить, а не просто жить воспоминаниями о прекрасном или что-то из своего далека анализировать на диване.

Уже много лет мне неинтересно читать художественную литературу.

ВИКТОР АХЛЮМОВ

Меня интересует только то, что связано с документами, хроникой, мемуарами. Вот и самые последние прочитанные мной книги — это именно мемуарная литература, письма. Воспоминания Эммы Герштейн и жены Ландау, книга про Сальвадора Дали и Галу и дневники Юсупова. Читать такие книги для меня — потребность. Меня привлекает все, что связано с живым сиюминутным разговором о человеке.

Я беру энергию, импульсы для работы в основном из того, что вижу, слышу, наблюдаю, проживаю сама, из того, в чем я варюсь, в чем мы все варимся. По телевизору я смотрю только аналитические программы, и лучше, что в них есть, — когда меня оставляют один на один с фактом. Когда я ставила в «Современнике» «Трех товарищей» Ремарка, мне нужно

было, чтобы актеры, которые принадлежат к поколению, по счастью, не прошедшему войну и знающему ее только по штампам, прочувствовали, почему главный герой пьесы через десять лет после окончания войны кричит во сне от кошмаров.

И я приглашала людей, прошедших Чечню, плен, сидевших по 11 месяцев в яме. Найти их нам помог «Взгляд». Так мы подружились с Сергеем Кушнеревым, главным редактором этой передачи. Я считаю его одним из самых талантливых людей на сегодняшнем телевидении. И у нас с ним очень похожие взгляды. Когда Сергей предложил мне участвовать в ток-шоу «Другая жизнь» на ОРТ и рассказал несколько историй, которые легли в основу первых трех программ, меня его предложение заинтере-

совало. Эти истории из жизни — экстрема, а не просто бытовая ситуация. Роль, которую предложил мне Сергей, сродни той, что я играю каждый день в театре, разбирая с актерами пьесы во время так называемого «застольного периода». В передаче мы говорим о людях, о том, как они либо выходят из разных ситуаций, предпринимая какой-то решительный шаг, либо так и существуют. Вот почему для меня это — очень интересный опыт.

Телевидение, и это надо понять раз и навсегда, влияет на стереотип сознания человека фантастически. Первые слова детей — «папа», «мама» и... цитата из рекламы. Все, что вам каждый день талдычат, входит в подкорку.

Можно смеяться, проницировать, протестовать, можно выключать и не смотреть. Но с каким бы раздражением или недоверием люди ни относились к тому, что им вешают, выковырять из головы это очень сложно. Поэтому, когда из телевизионного экрана выходит такое количество агрессии, злости, интриги, злопыхательства — это действует ужасающе. Человеческая мысль материальна — это так на самом деле. И вбить в сознание можно все что угодно. Раньше меня раздражали американские «хау а ю», «файн» — все улыбаются, не слушающая ответа. Но через много лет я поняла: пусть это маска, которая приросла так, что непонятно, где маска, а где нет, но американцы создали добрую ауру для себя и других. Искусственное создание этой ауры — лучше, чем естественная агрессивная злость.